

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ

НАРОДНАЯ ВОЙНА

ГЕРОИЧЕСКОЕ ЕДИНОБОРСТВО.

Съ вѣрой въ свою физическую силу Австрія бросилась на маленькую Сербію, надѣясь раздавить и уничтожить народъ пахарей. Такъ Голиафъ бросился на Давида. Такъ всякая грубая сила увѣрена, что конечная правда на сторонѣ кулака. Но Давидъ побѣдилъ Голиафа, хотя юнъ и слабъ былъ онъ. И библейское сказаніе живо въ памяти человѣчества, какъ поученіе людямъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Такъ теперь, на нашихъ глазахъ, въ борьбѣ съ сильнымъ сосѣдомъ изнемогаетъ Сербія. Многочисленные и свирѣпыя вражескія полки перешли черезъ Дрину, промчались по долинамъ Колубары и нынѣ стремятся къ Моравѣ, въ водахъ которой пять столѣтій отражались зарева пожаровъ сербскихъ деревень.

Страшное единоборство между Голиафомъ-Австріей и Давидомъ-Сербіей длится уже четыре мѣсяца. Исполнскіе бои между Россіей и Германіей; Франціей и Германіей привлекаютъ къ себѣ все вниманіе міра, и некогда человѣчеству думать о субботахъ изнемогающей въ борьбѣ Сербіи. Такъ большія полотна заслоняютъ маленькія по размѣрамъ, но великія по содержанію и письму картины.

Еще долго, предоставленная собственной участи, не могущая получить помощь отъ друзей, будетъ биться Сербія. Много жертвъ принесетъ еще она на благо общаго дѣла. Но, залитая кровью, изнемогшая въ неравной борьбѣ, маленькая страна не можетъ не побѣдить. Въ томъ порукой не только союзъ Сербіи съ Россіей, Франціей и Англійей, но и героическій духъ народа, покорно и гордо принявшаго навязанную ему войну. И когда кончится послѣдняя, міръ воздастъ должное величію небольшихъ странъ, каковы

Бельгія и Сербія, которыя приняли на себя первые и наиболѣе жестокіе удары. Но если Бельгія находилась въ центрѣ вниманія человѣчества,—далекая Сербія въ одиночествѣ дѣлаетъ свое дѣло, молчаливо переноситъ удары судьбы и съ вѣрой бьется за правое дѣло.

Давидъ не можетъ не побѣ-
дить Голиафа.

ОТЕЧЕСТВО

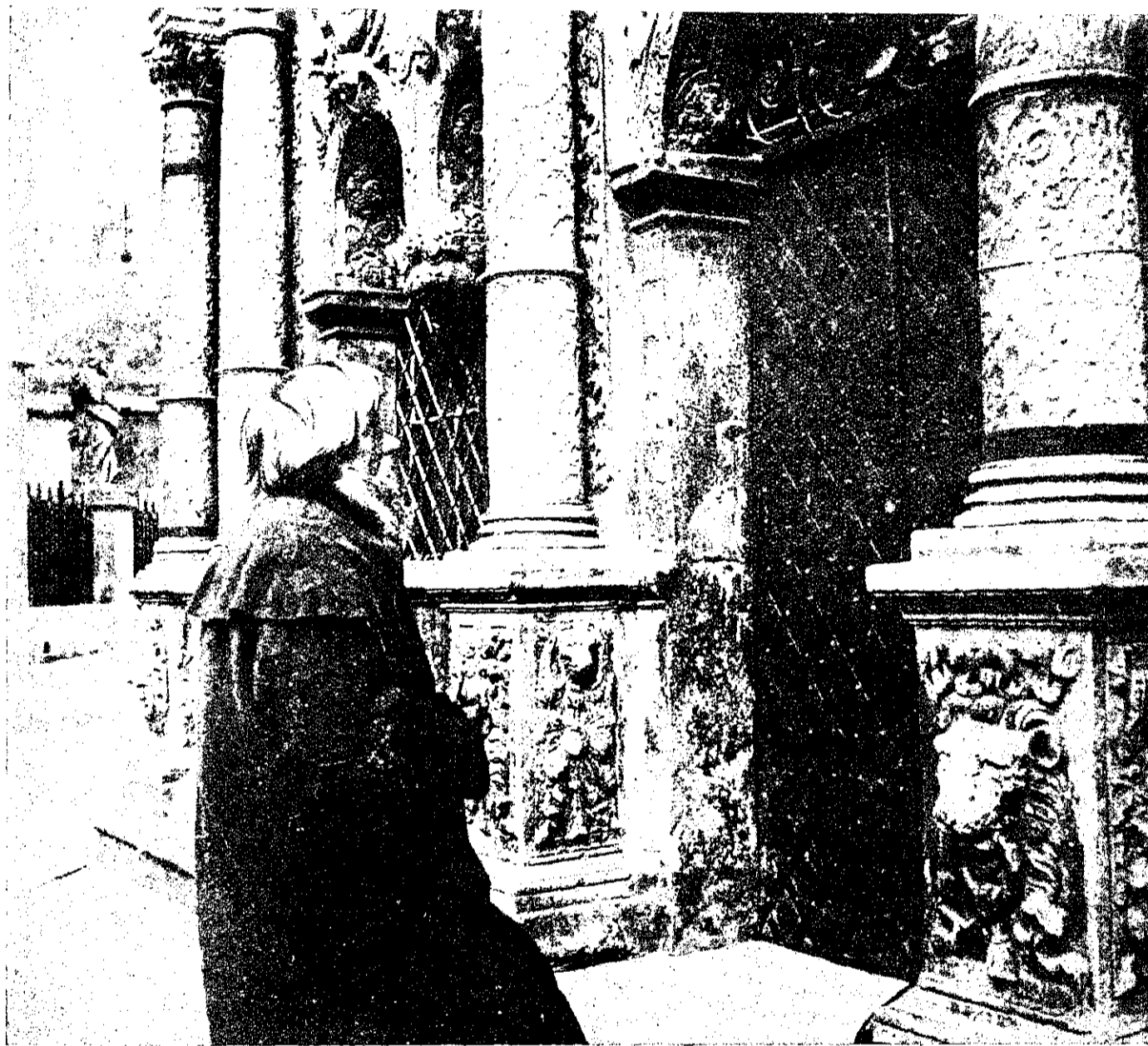
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 4.

ПЕТРОГРАДЪ.

23 НОЯБРЯ 1914 г.

(Отъ собственного корреспондента. Перепечатка воспрещается).

ВЪ ЗАВОЕВАННОМЪ ГОРОДѢ ЛЬВОВѢ.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ЧЕМУ ВОЙНА УЧИТЬ И КЪ ЧЕМУ ОНА ОБЯЗЫВАЕТЪ.

Война ужасна тѣмъ горемъ, которое она несетъ безчисленнымъ сердцамъ. Война прекрасна тѣмъ душевнымъ строемъ, который она всеяетъ въ множество людей, тѣмъ беззавѣтнымъ подчиненіемъ всего личнаго и ничтожнаго какой-то общей и великой задачѣ.

Но война велика не только тѣмъ, что она

производитъ съ людьми тамъ, на позиціяхъ и въ окопахъ. Своимъ великимъ ужасомъ и своей великой красотой она обязываетъ всѣхъ и каждого и оправдать этотъ ужасъ, и соблюсти эту красоту въ той жизни, которая послѣдуетъ за войной.

Чему же учить война и къ чему она насъ обязываетъ?

Я попытаюсь въ краткихъ словахъ отвѣтить на эти вопросы, какъ они каждодневно вставали и встаютъ передъ моимъ сознаниемъ.

Война сильнѣе всякихъ проповѣдей учитъ насъ патриотизму. Мы ощутили себя въ войнѣ націей и государствомъ, русскими и Россіей. Никогда никто пережившій эту войну не сможетъ теперь отрицаться отечества, ибо не на словахъ, а на дѣлѣ всякій позналъ Россію и возлюбилъ ее.

Конечно, любовь къ отечеству всегда подразумевалась и оспаривать ее было принято въ сравнительно узкихъ кругахъ. Но какъ часто эта любовь была только на словахъ и какъ часто къ родинѣ-матери мы были на дѣлѣ невнимательны и непочтительны! Какъ часто мы съ легкимъ сердцемъ, почти съ ухарствомъ ругали Россію! О, я знаю хорошо цѣну критическому отношенію къ самимъ себѣ и не о немъ я говорю. Но какъ часто русскій человѣкъ глупо, безъ всякой мысли, безъ всякой боли смѣялся надъ Россіей!

Это вовсе не критическое, а, наоборотъ, въ сущности безыдейное и циничское отношеніе къ родинѣ стало теперь невозможно. Для множества душъ, потерявшихъ всякое ощущение святости, Россія вновь стала «Святой Русью», хотя бы они вовсе и не думали о родинѣ этимъ словосочетаніемъ. Неважно, что они думаютъ, если они ощутили Россію и въ ней, въ этомъ соборномъ существѣ, имъ открылась святая красота.

А потому что въ Россіи есть такая красота, потому мы сами должны быть лучше.

Такъ изъ того, чему насъ учитъ, что намъ раскрываетъ война, слѣдуетъ то, къ чему она насъ обязываетъ.

Это нравственный урокъ, даваемый войной.

Но въ сущности такъ же обстоитъ дѣло и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Война подняла и подымаетъ насъ и тѣмъ самымъ она обязываетъ насъ подняться.

Возьмемъ хотя бы то значеніе, которое совершенно непрерываемо благодаря войнѣ приобретаетъ вся русская стихія, въ мировомъ обиходѣ. То,

что мы ощущаемъ, какъ дѣйственное и живое раскрытіе чего-то нравственно значительнаго, святого въ нашей народной стихіи, то самое ощущаютъ въ насъ на свой ладъ всѣ народы міра. Только что одинъ англичанинъ читалъ мнѣ выдержки изъ англійскихъ обывательскихъ писемъ и я уловилъ именно эту огромную переѣмну въ мировой оцѣнкѣ русской стихіи. Мы должны понять, что Россія теперь какъ-то по новому вышла на мировую сцену и что это насъ обязываетъ и передъ нами самими и передъ міромъ.

Этотъ огромный переворотъ не только выявила, его въ извѣстной мѣрѣ произвела война. И онъ ставитъ передъ нами огромныя творческія задачи.

То, о чемъ я говорю, есть вовсе не общее мѣсто. Для меня это живое чувство и живая вѣра, зовущая къ дѣлу. Я ощущаю, что одно изъ

самыхъ дорогихъ для меня чаяній начинаетъ воплощаться. Вся огромная Россія сверху до низу объединилась въ подлинномъ чувствѣ нравственнаго единства. И объединилась новая Россія, только что передъ тѣмъ пережившая эпоху великихъ потрясеній. Эти потрясенія не обезсилили и не обезплодили ее.

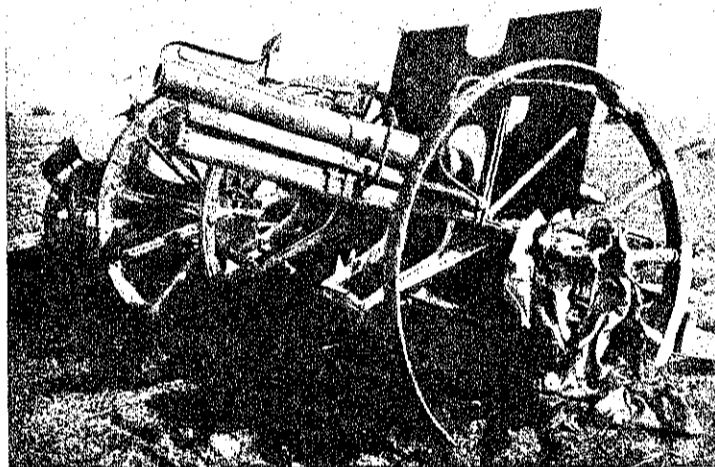
Я сказалъ, что объединилась новая Россія.

Но величіе и значительность того, что мы переживаемъ и заключается именно въ томъ, что теперь нѣтъ двухъ Россій, старой и новой, а есть единая Великая Россія, новая и въ то же время древняя Святая Русь. Война намъ дала то, чего не могли бы дать десятилѣтія патриотическихъ проповѣдей: мы не боимся величія нашей Великой Россіи, мы не отрицаемъ святости нашей Святой Руси.

Эти слова никто теперь не можетъ называть «официальными» или «казенными». Ихъ правда оплачивается народной кровью и удостоверяется народнымъ духомъ въ неслыханной борьбѣ передъ лицомъ всего міра.

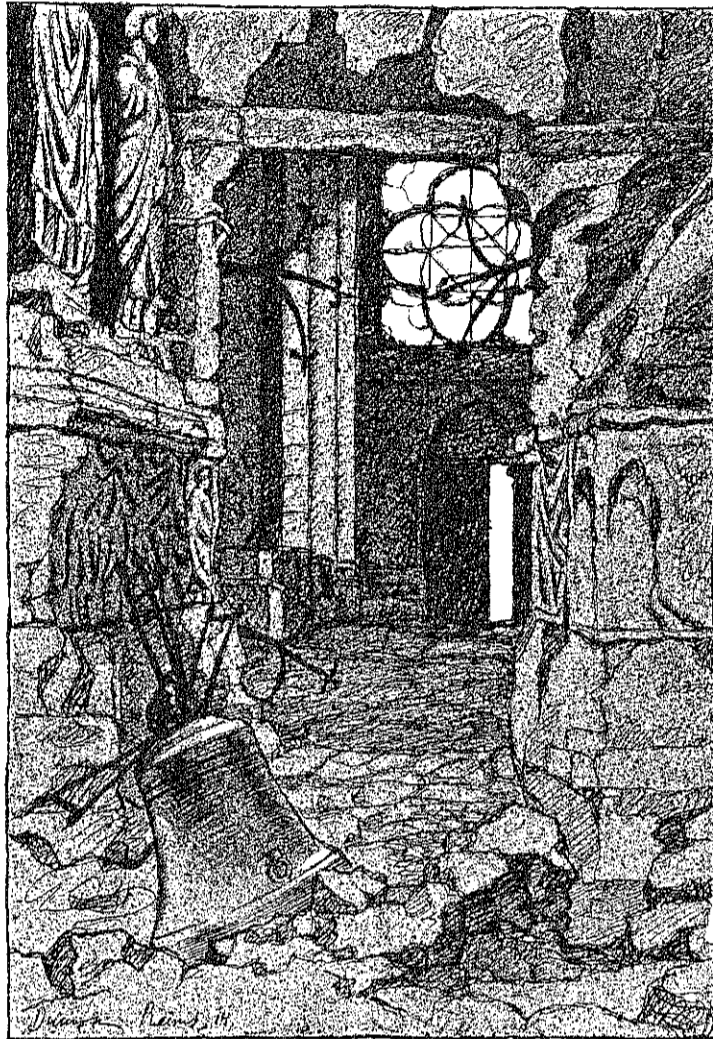
Не бахвальство и не гордыню внушаетъ такой патриотизмъ, а чувство величайшей отвѣтственности за свое дѣланіе и глубокаго смиренія передъ Высшей Волей. Онъ несетъ не одну внѣшнюю мощь, но и религиозное возрожденіе.

Петръ Струве.

Германское 77-миллиметровое орудіе, подбитое французской 75-миллиметровой пушкой.

(Перепечатка воспрещается).

Франсуа Дюмонь.

Соб. журн. «Отечество».

РАЗВАЛИНЫ РЕИМСКАГО СОБОРА.

ВОЙНА.

Какъ собака на цѣпи тяжелой
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметь,
И жужжать шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко красный медъ.

И поистинѣ свѣтло и свято
Дѣло величавое войны;
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.

А вдали «ура» — какъ будто ибнѣ
Трудъ дневной окончившихъ косяковъ...
Скажешь это мирное селенье
Въ самый благодный изъ вечеровъ.

Расцвѣтаетъ духъ какъ роза мая,
Какъ огонь онъ разрываетъ тьму,
Тѣло, ничего не понимая,
Слѣпо повинуется ему.

Сквозь лѣса глухіе и окопы
Цѣпью славы связывая насъ,
Онъ идетъ по пажитямъ Европы
Какъ женихъ къ невѣстѣ въ дивный часъ.

.....
Н. Гумилевъ.

ТРАНСПОРТЪ РАНЕННЫХЪ ВО ЛЬВОВЪ.

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА*).

Вотъ уже нѣсколько дней я офицеромъ—
ординарцемъ у начальника отряда.

Генераль Х. жилъ въ небольшомъ двухэтажномъ домикѣ въ деревнѣ Г., у шоссе. Двѣ комнаты внизу и три маленькихъ въ мезонинѣ. Генераль и его адъютантъ помѣщались внизу, съ адъютантомъ былъ и другой ординаредъ, низенькій, добродушный пѣхотный прапорщикъ съ дѣловито озабоченнымъ видомъ. Я занялъ комнату наверху. Пуховиковъ—увы—уже не было, но была деревян-

*) Эти записки принадлежатъ перу одного изъ нашихъ известныхъ поэтовъ Сергѣя К., призваннаго изъ запаса въ полкъ хвостѣ. Сергѣй К. — офицеръ-артиллеристъ.

ГЛАВА I.

Первый походъ въ Восточную Пруссію.

ная, уединенная, подобная Ноеву ковчегу кровать, куда мнѣ наложили сѣна.

Эта кровать мнѣ очень памятна, такъ какъ на ней пришлось мнѣ провести во время дежурства

не одну ночь безъ сна, каждую минуту ожидая, что меня позвонитъ къ телефону, находившемуся у гусаръ въ соседнемъ домѣ. Ночные вызовы къ телефону для призыва донесеній съ позиціи были такъ часты, что пробовать раздѣваться было совершенно безплодно, и я лежалъ въ полномъ спарженіи.

Со сномъ приходилось очень бороться. Сперва былъ пересмотрѣнъ весь запасъ лежавшихъ въ углу на этажеркѣ совсѣмъ еще недавнихъ нѣмецкихъ юмористическихъ и

(Перепечатка воспрещается).

ЗВѢРСТВА АВСТРІЙЦЕВЪ ВЪ ГОРОДѢ ШАБАЦѢ ВЪ СЕРБІИ.

иллюстрированных журналов, где «русские медведи» изображались в самых жалких и комичных образах, разбитыми и отброшенными чуть не к самой Москве, а карта Российской Империи перекраивалась за счет будущих немецких побед с неподражаемым аппетитом.

После взялся за несколько захваченных из Москвы книжек «Полюсы». Рассказы Джека Лондона проглотил я очень быстро, но зато выручил романь какого-то немецкого автора «Свиный домъ», безконечное повествование о душевных терзаниях потерявшей богатство молодой и прекрасной фрейлины, в которую влюблен герцог, некоторая сама влюблена в графа. Этот «Свиный домъ» сослужил мне большую службу,—его я не дочел и до сей поры.

Первая моя повязка по должности ординарца была к командиру артиллерийской бригады, полковнику К., жившему в той самой деревне, перед которой были расположены позиции наших батарей. Помню его маленький домик, со всех сторон оплетенный паутиной тенетам телефонов. Помню тот горячий чай с красным вином, которым меня так радушно угощали полковник и его адъютант молодой и симпатичный князь К.

Зашла речь о местном населении и о той сети предательской сигнализации и враждебного шпионажа, которой мы окружены. Жителям предложено было выселиться из района позиций, и селения были почти сплошь покинуты, но все-таки из домов, и особенно отдельных ферм то и дело стреляли в одиночных всадников, да ночью внезапно возникали пожары, зажигаемые немцами, чтобы обозначить расположение наших частей.

Вся местность была онугана тайными телефонами, по которым немецкие шпионы и наблюдатели осведомляли своих.

Конечно, не все оставшиеся близ позиций мирные жи-

тели были шпионами. Были и просто несчастные, старые, слабые и больные, которым было некуда идти и которых наши жалели и кормили, часто делись с ними последним куском.

У полковника К. тоже оказался такой «подопечный», как он его, шутя, называл. Это был древний восьмидесятилетний старик, одинокий, никому не нужный, покинутый односельчанами во время последнего бегства. Все богатство его было в свинье и дюжине маленьких поросят, которых он сам голодный кормил картофелем и кореньями и берег, как зеницу ока.

Полковник взял его под свое покровительство, делился с ним своим хлебом (хлеб на позициях был редкое лакомство!) и строго приказал следить, чтобы его поросята, гулявшие в огороде, ненароком не попали в солдатский котел. Каждый день по утрам полковник сам заходил проверить их сохранность и проводить старика.

Такова ты, русская душа! Немцу не понять ее. Он только посмелся бы над «славянской сентиментальностью». Но эта сентиментальность есть именно то, за что Бог милует Россию.

Через полчаса я с моим конным вестовым уже еду назад. К нам присоединились еще человек шесть конных солдат, которым с нами по дороге. Было часа четыре дня. Чудесный осенний день, ясный безветренный и не жаркий.

Я храбро неторопливо впереди моего маленького отряда, усленно пытаюсь раскурить основательную немецкую трубку,—я завел ее по недостатку папирос и уже два тщательно стараюсь овладеть сложным искусством управлять ею. За мною, через поле, узкой межой вьхали всадники.

Мой рыжий конь настораживает уши. Откуда то несетя гудение, сперва еле слышное, потом все больше и больше громкое, словно наполняющее собою весь воздух. Опять

(Перепечатка воспрещается).

ЗВЕРСТВА АВСТРИЙЦЕВЪ ВЪ ГОРОДѢ ШАБАЦѢ ВЪ СЕРБИИ.

этотъ чертовъ аэропланъ! Сначала чуть видный, онъ ширится, растетъ, онъ все ближе и ближе.

Буммъ! Буммъ! Артиллерія открыла по немъ стрѣльбу. Огоньки разрывовъ вспыхиваютъ за нимъ высоко въ небѣ, точно огненные осы тщетно гоняются за большою черною птицей, силясь окружить ее.

Трудно судить, чей аэропланъ. Трудно судить, чья артиллерія. Несомнѣнно только одно: аэропланъ рѣшет надъ нашими головами и мелкій дождь шрапнельныхъ пуль съ неприятнымъ шорохомъ сыплется гдѣ-то по соседству. Удовольствіе ниже средняго. «Чтобы да, такъ ибѣтъ», — какъ любятъ говорить въ Одессѣ. Не хватаетъ только, чтобы онъ швырнулъ какую нибудь гадость.

Быстро команду взятъ интервалъ на 30 шаговъ, чтобы не соблазнять авіатора слишкомъ компактной группой. Мои всадники далеко растягиваются по полю.

«Рысью».

Еще нѣсколько минутъ и аэропланъ беретъ рѣшительно въ сторону. За нимъ улетаютъ преслѣдующія его огненные осы. Съ досадой принимаюсь за успѣвшую погаснуть трубку. Опять полчаса разжигай се, подую.

Проѣзжаемъ черезъ небольшую усадьбу. Тамъ размѣстился какой-то перевязочный пунктъ. Останавливаюсь напоить лошадь. Перекидываюсь нѣсколькими словами съ подошедшими поздороваться докторомъ и толстымъ невозмутимымъ батюшкой въ подрясникѣ, съ ремненнымъ сползающимъ кушакомъ, въ широкополой поружьбой фетровой шляпѣ съ сѣрою объемистой флягой для воды черезъ плечо. Докторъ рассказываетъ, что два дня тому назадъ, когда они стояли верстахъ въ 15 къ югу, имъ пришлось быть въ гостяхъ у ибмцевъ. Случилось такъ, что во время боевыхъ передвиженій нашъ и ибмедкій перевязочные пункты оказались въ полуверстѣ?

Сигаръ вообще въ занятыхъ районахъ было достаточно, но хорошія были большою рѣдкостью. Ибмцы, страстные курильщики, все лучшее либо припрятали, либо забрали съ собою, тѣ же сигары, что остались и что можно было купить, были типа такъ называемыхъ «drei mappen sigaren», — одинъ курить, а двоихъ тошнить.

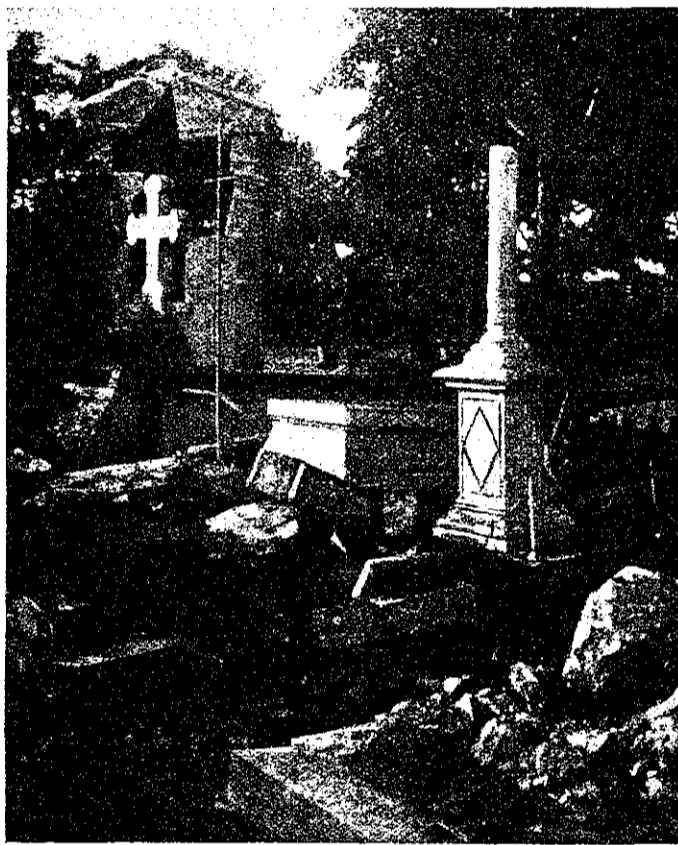
Простившись съ докторомъ и батюшкой, я быстро и безъ приключеній вернулся домой. Аэроплановъ въ этотъ день больше не появлялось, но впоследствии много разъ

доводилось мнѣ слышать надъ головой ихъ однообразное томительное жужжаніе и видѣть рѣжущія небо черныя ихъ крылья. Послѣ мы очень привыкли, и появленіе ихъ не производило особаго эффекта, но первое время, когда увидишь надъ головой эту злобную птицу, которая успѣла ужъ за день швырнуть бомбу въ какой-нибудь развѣздъ или хлопотливый бивакъ

это всегда заставляло настораживаться и хотѣлось стать какъ можно болѣе незамѣтнымъ.

Скоро начальникъ отряда рѣшилъ перемѣнить мѣсто своего пребыванія, и мы поселились версты на три западнѣе прежняго, на окраинѣ другого селенія, въ богатой, покинутой жителями крестьянской усадьбѣ, тоже неподалеку отъ шоссе.

Я повѣхалъ впередъ, чтобы выбрать и приспособить помѣщеніе. Вѣковые вязы и тополя, окаймляющіе шоссе, версты на двѣ были спилены въ одну ночь, чтобы затруднить неприятелю артиллерійскую прицѣлку, и вѣтвистыя ихъ тѣла лежали на землѣ, широко раскинувъ руки, подобно трупамъ поверженныхъ гигантовъ.

КЛАДБИЩЕ ВЪ РЕЙМСѢ ПОСЛѢ БОМБАРДИРОВКИ.

И все-таки во всѣхъ этихъ срубленныхъ лѣсныхъ великанахъ, окнахъ чернѣющихъ на зеленыхъ пажитяхъ невѣдомыхъ одинокихъ могилахъ, въ этихъ багровыхъ факелахъ ночныхъ пожаровъ, въ этихъ разрушенныхъ домахъ мрачно вздымающихся къ небу угрюмо торчащія оголенные свои трубы, въ прожекторахъ шарящихъ по облакамъ своими ослѣпительно бѣлыми пальцами. въ ритмическомъ грохотѣ правильной артиллерійской

перестрѣлки, въ сіяющихъ точкахъ шрапнельныхъ разрывовъ на дневной лазури, въ огненныхъ ихъ снопахъ на черномъ бархатѣ ночи, въ стрекотаніи стрекотанія пулеметовъ, въ провалившихся въ воду взорванныхъ желѣзнодорожныхъ мостахъ, въ домахъ, плачущихъ къ Богу выбитыми своими окнами, въ покривившихся башняхъ съ разбитымъ верхомъ, — во всемъ, во всемъ, даже въ тучахъ воронья, съ крикомъ подымающихся съ полей, есть своя суровая красота, жуткое и неизъяснимое очарованіе.

И на войнѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, понялъ я стихъ поэта:

«Все то, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья».

Сергѣй К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С М Е Р Т Ъ Ш П И О Н А.

Англійскіе стрѣлки разстрѣляли нѣсколькихъ шпионовъ, передававшихъ германскому штабу сообщенія о передвиженіи союзныхъ войскъ.

Г. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

КОГДА И КАКЪ КОНЧИТСЯ ВОЙНА?

Наступленіе германцевъ между
Вислой и Вартой.

ГЕРМАНСКАЯ армія, потерпѣвъ подъ

Варшавой неудачу, начала отступленіе къ своей границѣ, преслѣдуемая нашими войсками.

Отступая, германцы на своемъ пути уничтожали все, что только представляло возможнымъ уничтожить для замедленія движенія нашихъ наступающихъ по ихъ слѣдамъ войскъ. Они уничтожали желѣзныя дороги, мосты, шоссеиыя дороги, сваливали телеграфные столбы, разрывали телеграфную проволоку, перекапывали дороги и т. д. Вслѣдствіе этого движеніе наше замедлялось.

Нашимъ войскамъ приходилось преодолевать не только сопротивленіе непріятельскихъ арьергардовъ, старавшихся на каждомъ шагу задерживать наше наступленіе своими контръ-атаками, но кромѣ того приходилось еще исправлять дороги. Вслѣдствіе этого отступающія германскія войска значительно скорѣе подошли главными своими силами къ границѣ. Тамъ, пользуясь широко развитой сѣтью своихъ желѣзныхъ дорогъ, они быстро сосредоточили значительныя силы въ районѣ Торна, прикрывая свое маневрированіе сильными кавалерійскими частями, выдвинутыми впередъ.

Такимъ образомъ, къ концу октября мѣсяца въ районѣ крѣпости Торнъ была сконцентрирована армія генерала фонъ Макензена въ составѣ 5—6 корпусовъ. Эта армія получила заданіе быстрымъ движеніемъ между Вислой и Вартой, т. е. на юго-востокъ отъ Торна, вторгнуться въ предѣлы Россіи и нанести сильный ударъ правому флангу нашихъ войскъ, находившихся въ Завислинскомъ районѣ.

Районъ между Вислой и Вартой былъ избранъ герман-

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

цами, во-первыхъ, въ виду того, что движеніе между этими рѣками прикрывало ихъ фланги естественными преградами, во-вторыхъ, — давало имъ возможность базироваться на сильную крѣпость Торнъ

и потому германцамъ казалось, что здѣсь легче прорвать нашъ фронтъ.

Съ 1 ноября германцы начали свое наступленіе. Первые шаги этого наступленія были весьма удачны. Армія генерала Макензена удалось къ 3 ноября достигнуть линіи Плоцкъ на Вислѣ—Гостынинъ—Кутно—Ленчица—Унеевъ на Вартѣ. Тутъ германская армія развернулась и ея передовыя части вступили въ бой съ нашими авангардами. Мало по малу бои стали развиваться и 4 ноября уже они приняли характеръ большого сраженія, причемъ со стороны германцевъ были введены въ бой значительныя силы.

Нашимъ войскамъ пришлось подъ натискомъ противника отступить съ маневрированіемъ на линію рѣки Бауры, впадающей въ Вислу между Плоцкомъ и Варшавой и занять фронтъ по линіи Лодзь — Ловичъ. Удачнымъ маневромъ наши войска отступая измѣнили направленіе своего фронта и задуманный германцами фланговый ударъ обратился въ ударъ фронтальный.

германцамъ дальнѣйшее сраженіе пришлось вести противъ нашихъ войскъ, стоящихъ передъ ними лицомъ къ лицу. Закончивъ эту часть операціи, наши войска 6 ноября перешли въ наступленіе, и завязался такъ называемый встрѣчный бой, въ которомъ оба противника наступаютъ.

НѢМЦЫ ВЪ ПЛѢНУ.

Видя свою неудачу, германцы рѣшили отказаться отъ своего флангового удара и сочли за болѣе цѣлесообразное попытаться теперь прорвать наше расположеніе въ районѣ Лодзи: для этого они сосредоточили въ районѣ Стрыковъ — Брезины — Колюшки — Рзговъ — Тушинъ значительныя силы. Расположивъ эти силы въ видѣ клина, имѣющаго свою вершину около станціи Колюшки, они повели энергичное наступленіе, результатомъ котораго былъ прорывъ нашей линіи, выполненный германцами довольно удачно 7 ноября, но вѣдѣ за удачей ихъ постигло разочарованіе. У Колюшекъ они встрѣтились съ нашими войсками, наступавшими со стороны Варшавы. Тѣ же войска, которыя были разъединены ими на двѣ части, повернули свой фронтъ и германцы оказались охваченными нашими войсками съ трехъ сторонъ, попавъ, такимъ образомъ, въ мѣшокъ.

Никакъ не ожидали германцы такого рокового исхода своей операціи и имъ пришлось прибѣгнуть для спасенія своей арміи къ помощи своего стратегическаго резерва, находившагося въ районѣ города Велюня, Калишской губерніи. Составленный изъ разныхъ частей австро-германскихъ армій, онъ уже несъ самъ въ себѣ зародышъ пораженія и при первомъ же своемъ наступленіи былъ разбитъ нашимъ заслономъ, выставленнымъ для прикрытія лѣваго фланга нашихъ войскъ, и дѣлу не помогъ.

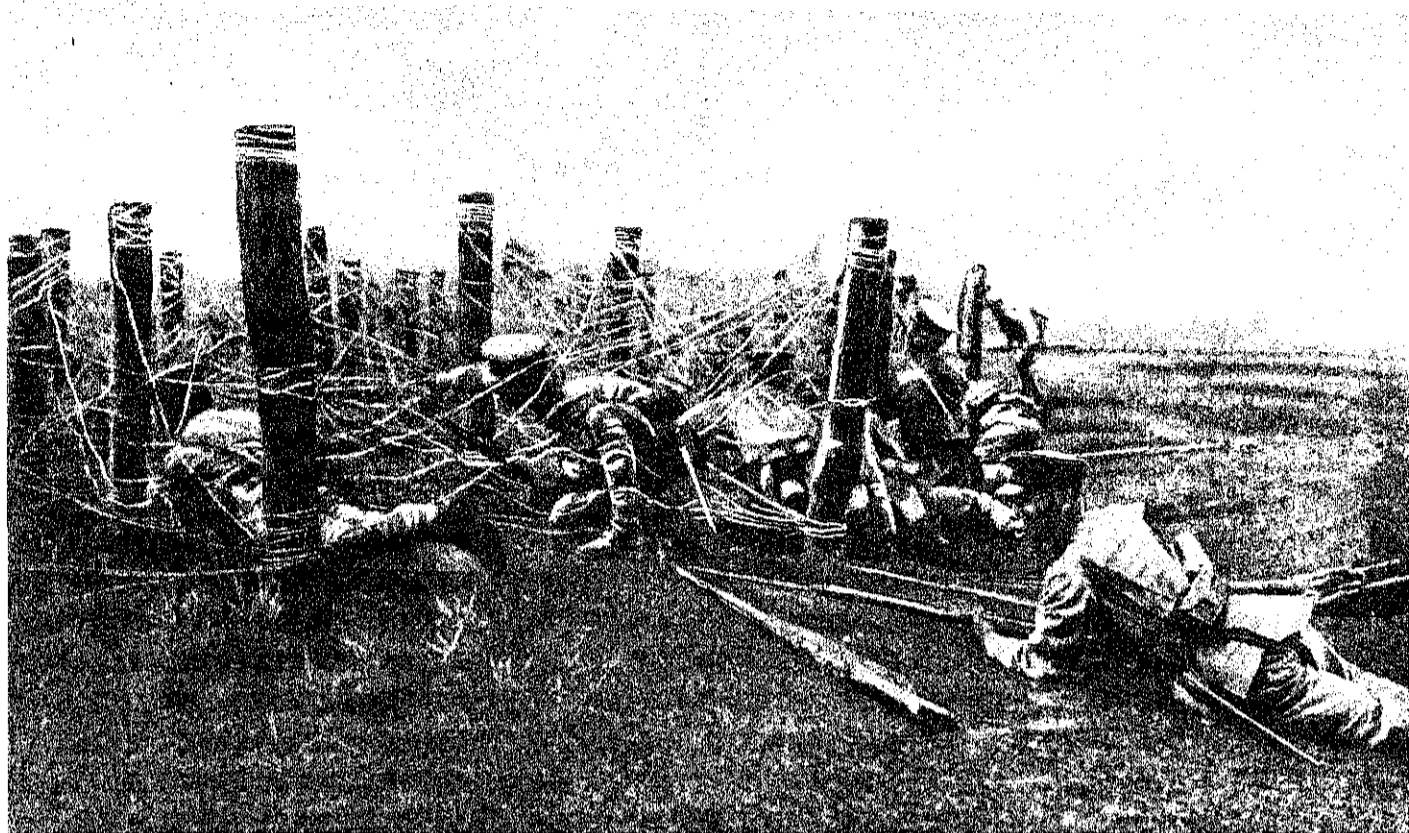
Видя тяжелое положеніе, въ которомъ очутилась армія генерала Макензена, главнокомандующимъ былъ отданъ приказъ начать этой арміи отступленіе, но это оказалось уже не такъ легко выполнить. Правый флангъ его арміи въ районѣ Лодзи совершенно изолированъ, а лѣвый флангъ въ районѣ Ловича находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нашими войсками; поэтому отступленіе германцевъ приняло характеръ почти бѣгства. Наша кавалерія энергично преслѣдовала нѣкоторыя отступающія части противника, забирая пленныхъ и даже тяжелыя орудія. Наша же пѣхота и артиллерія продолжали громить противника у Ловича.

Часть германскихъ войскъ, оторвавшаяся отъ праваго фланга, охваченнаго нашими войсками, очутилась къ югу отъ станціи Колюшки и бродитъ по лѣсамъ и полямъ разсѣянными партіями, не имѣя возможности соединиться со своими. Въ результатѣ боевъ послѣднихъ дней оказалось громадное количество пленныхъ, взятыхъ нашими войсками; много захвачено орудій и пулеметовъ. Германцамъ вся эта операція не принесла ни малѣйшаго успѣха. Эта операція закончилась для нихъ полной неудачей прорвать наше расположеніе на фронтѣ между Вартой и Вислой.

Еще разъ германцы доказали, что несмотря на совершенство ихъ техники, на ихъ желѣзную дисциплину, на прекрасную выучку солдатъ и на громадное количество корпусовъ у нихъ нѣтъ того, что необходимо для побѣды. У нихъ нѣтъ широкаго военнаго взгляда, нѣтъ умѣнья одухотворить сухую теорію.

Теперь германская армія генерала Макензена отступаетъ къ своей базѣ. Невольно возникаетъ вопросъ что же будетъ дальше? Отвѣтить на этотъ вопросъ точно и опредѣленно, конечно, не представляется возможнымъ, но есть основаніе предполагать, что германскія войска, отступивъ теперь къ своимъ заранѣе укрѣпленнымъ сильнымъ позиціямъ, перейдутъ къ оборонѣ, базируясь на линію своихъ крѣпостей и постараются напречъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать нашимъ войскамъ вступити въ предѣлы Познани и Силезіи. Эта оборона, согласно укоренившимся воззрѣніямъ германцевъ, не будетъ носить характера строго пассивной обороны. Нѣтъ, они постоянно будутъ стараться переходить въ томъ или въ другомъ мѣстѣ въ наступленіе,

Операція между Вислой и Вартой внесла новую побѣдную страницу въ нашу военную исторію. Еще разъ наши войска доказали свою боевую мощь, свою неутомимость,

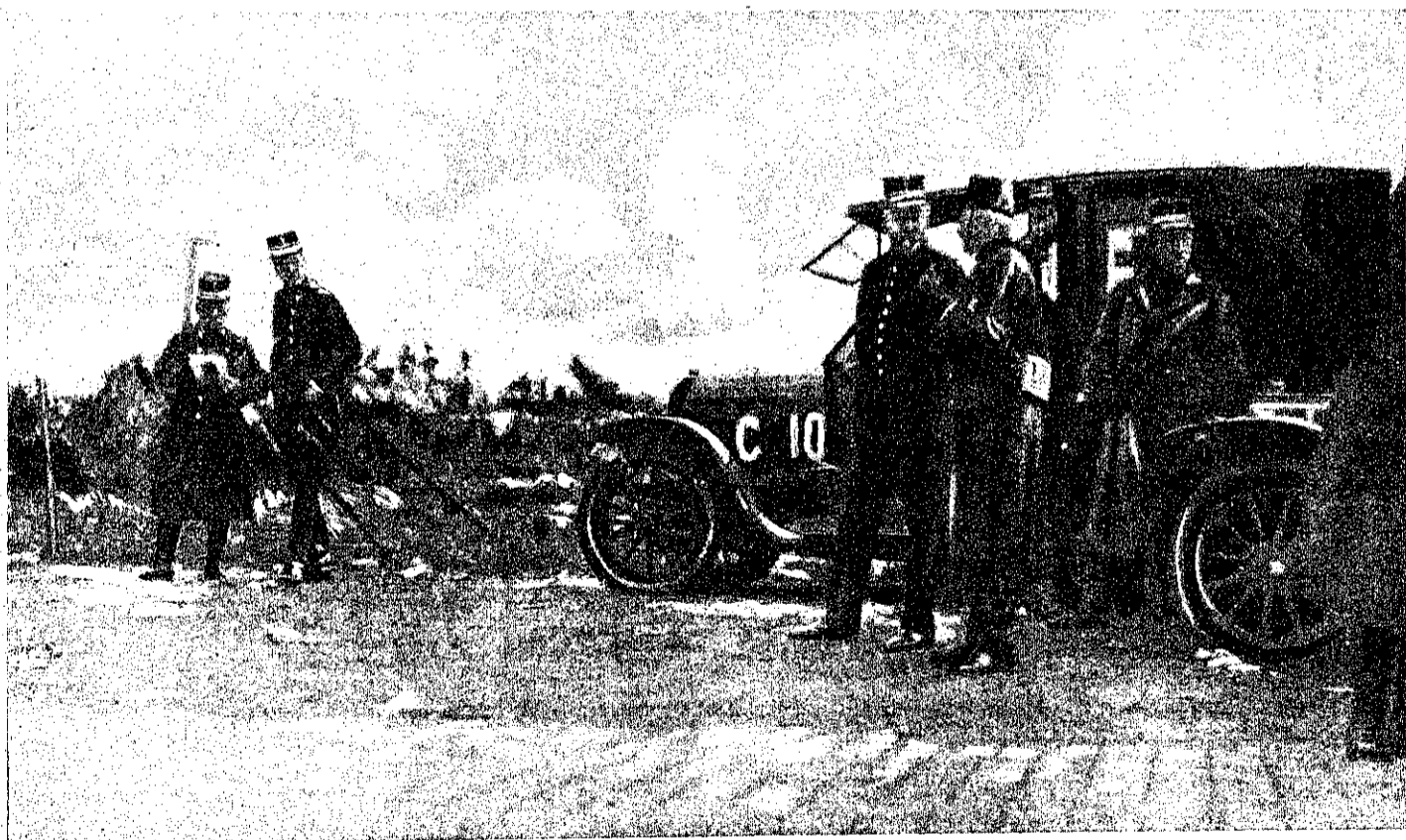

ЯПОНСКАЯ ПѢХОТА У ПРОВОЛОЧНЫХЪ ЗАГРАЖДЕНІЙ.

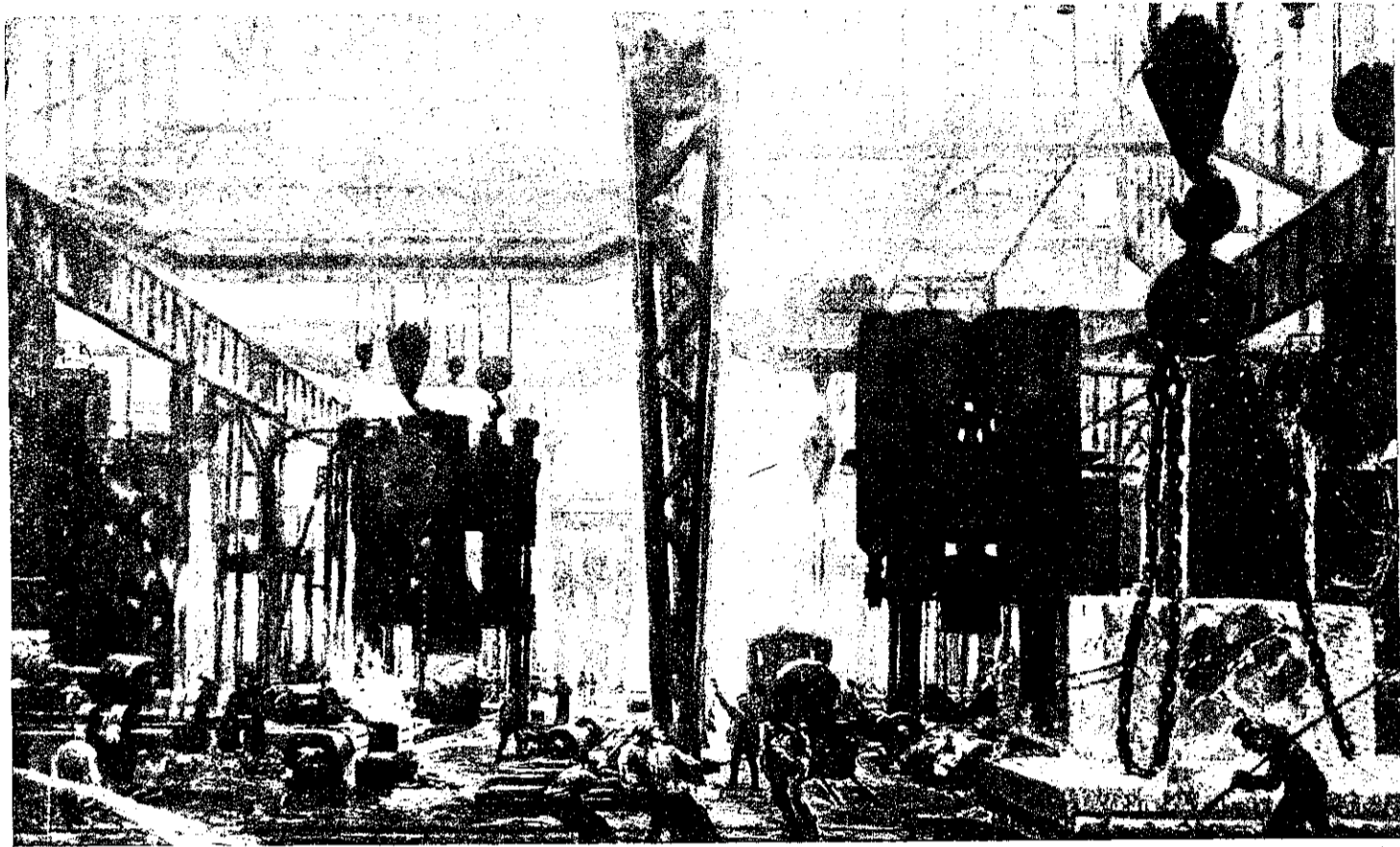
свою выносливость, мужество и храбрость, переданную имъ по традиціямъ отъ славныхъ миувшихъ временъ нашихъ національныхъ героевъ Суворова и Скобелева. Следуя ихъ завѣтамъ наши войска совершаютъ громадныя переходы по непроходимымъ дорогамъ и даже безъ дорогъ, спѣша на

выручку своихъ товарищей, подвергшихся внезапному нападенію противника. Они всегда посѣвуютъ и, какъ мы теперь видимъ, блестяще отражаютъ занесенный ударъ врага. Въ этомъ залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ.

Г. П. Григорьевичъ.

ВЕЛЬГІЙСКІЙ КОРОЛЬ АЛЬБЕРТЪ НА ПОЗИЦІЯХЪ.

ЗАВОДЫ КРУППА.

ГОРДОСТЬ германской промышленности — завод Круппа находится в Эссенѣ. Основанъ заводъ въ 1810 г. мастеромъ Фридрихомъ Круппомъ. Благодаря трудолюбію владѣльца и выгодному положенію въ центрѣ Рурскаго бассейна, богатаго желѣзной рудой и углемъ, заводъ сталъ быстро расти. Сынъ основателя завода Альфредъ Круппъ впервые сталъ изготовлять наръзные орудія, и при производствѣ стали использовать открытія Сименса и Бессемера. Въ скоромъ времени заводъ превратился въ главнаго по-

ставщика орудій, лафетовъ и брони для нуждъ германской арміи и флота, и чиновники военного министерства наблюдаютъ по сей день за производствомъ и сбытомъ завода. Сынъ Альфреда—Фридрихъ Круппъ лично дѣлами предприятия не руководилъ, проводя время въ кутежахъ и позорномъ развратѣ, доведшимъ его до самоубійства, когда разнесся слухъ, что прокуратура намѣрена привлечь его, Круппа, къ отвѣтственности за противозаконный развратъ. Заводъ перешелъ во владѣніе женской лѣнии. Основной

М. БОГОЛЬЦОВЪ.

ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

СОВРЕМЕННУЮ великую войну не безъ основаній называютъ безпримѣрной. Безпримѣрна она прежде всего потому, что никогда міръ не былъ связанъ экономическими и финансовыми путями такъ сильно, какъ въ настоящихъ условіяхъ. Каждое народное хозяйство нашей эпохи, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, необходимо связано съ всемірнымъ рынкомъ. Экономическіе интересы отдѣльныхъ странъ переходятъ за ихъ политическія границы. Въ отношеніи народнохозяйственной связанности, какъ условія современной войны, нѣтъ возможности сравнивать нашу эпоху со всей предыдущей экономической исторіей человѣческихъ обществъ.

Въ условіяхъ мирнаго времени мы часто можемъ наблюдать многочисленныя проявленія этой связанности экономическихъ интересовъ и отношеній отдѣльныхъ странъ. Стоитъ указать на повышение англійскимъ банкомъ своего учетнаго процента, которое немедленно отражается во всѣхъ частяхъ свѣта. Повышеніе цѣны масла на гамбургской биржѣ отзывается на цѣнахъ масла въ предгорьяхъ Алтая. Движенія цѣны серебра на лондонской биржѣ немедленно вызываетъ соответствующія колебанія цѣны на всемъ Востоку, даже въ степяхъ и горахъ полудикой Монголіи.

Всемирный рынокъ, какъ золотая арфа, отзывается на малѣйшія дуновения вѣтерка. Когда же по міру проносятся грозныя военныя бури, то сильныя напряженія обрываютъ струны этой отзывчивой арфы.

Международныя экономическія отношенія весьма разнообразны по своей природѣ и формѣ. Отдѣльныя націи связаны между собой обменомъ товарами, капиталами и людьми. Въ основѣ этого разнообразнаго обмена лежитъ кредитъ, который не только порождается

обменомъ, но и самъ порождаетъ обменъ товарами, капиталами и услугами. Безъ посредничества кредита немислимъ товарный обменъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Взрывъ же войны прежде всего и рѣзче всего отзывается на кредитныхъ отношеніяхъ. Война грубо рветъ и разрушаетъ тонкія кредитныя нити, эти нервы всемірнохозяйственнаго рынка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, парализуетъ всѣ тѣ международныя отношенія, которыя или основаны на кредитѣ, или связаны съ нимъ.

Помимо этой основной причины разрушенія во время войны международныхъ экономическихъ отношеній, война создаетъ цѣлый рядъ другихъ существенныхъ затрудненій для интернаціональнаго обмена.

Великая война охватила наиболѣе торговыя страны. На долю Англии, Франціи, Россіи, Германіи и Австро-Венгріи приходится около 40% общихъ оборотовъ всемірной торговли. Театромъ войны сдѣлались важнѣйшіе морскіе пути, уничтоженіе которыхъ возвращаетъ современные народы къ условіямъ давнопрошедшихъ временъ. Военный рискъ поднялъ страховыя ставки настолько, что морскую перевозку могутъ выдерживать только самыя драгоцѣнныя грузы. Душу же современнаго международнаго товарнаго обмена составляютъ громоздкіе и дешевые грузы.

О значеніи морскихъ путей для вѣншей торговли можно судить хотя бы по тому, какое участіе морскія перевозки принимаютъ въ вѣншей торговлѣ Россіи. Россія—сухопутная страна, что можно видѣть изъ соотношенія ея сухопутныхъ и морскихъ границъ. У Россіи только два выхода на торговые океаны, но и эти выходы находятся въ чужихъ рукахъ. И тѣмъ не менѣе изъ общаго торговаго оборота Россіи съ границей (ввозъ и вывозъ) въ 1912 г.

ЗАВОДЫ КРУППА.

капитал предприятия, — 170 мил. марок, увеличиваемый в настоящее время до 250 мил. марок. Заводу принадлежат 450 железных копей в Германии и Испании, десятки угольных рудников и огромная лесная площадь. Кроме того, большинство рудников вокруг, Рура, Бохума, Дортмунда и Эссена поставляют уголь и железную руду для нужд завода Круппа. В особых, недоступных для кого-бы то ни было, мастерских, под руководством военных инженеров и химиков, производятся опыты и изготавливаются орудия

и взрывчатые вещества. Заняты в этих мастерских рабочие — отставные солдаты, за которыми ведется тщательное наблюдение. В настоящее время число рабочих на заводах и рудниках Круппа доходит до 100 тыс. человек и такое же количество людей занято в конях и на заводах, работающих на Круппа. Влияние завода на государственную жизнь Германии чрезвычайно велико, что в значительной степени объясняется также многочисленностью газет и журналов, получающих от фирмы Круппа субсидию.

62,3% приходилось на морские перевозки и только 37,7% — на сухопутные. В Германии наблюдаем такую же картину: 67% морских перевозок и 33% — сухопутных. Конечно, в Англии морские перевозки составляют 100% ее внешней торговли. Война, обратив в свой театр морские пути, этим самым нанесла страшный удар по торговым сношениям всех стран, даже нейтральных. Соединенные Штаты не могли вывезти свой урожай хлопка и в силу этого странно разстроили свои кредитные и платежные отношения. Бразилия пришла к государственному банкротству. Повсюду в мире свирепствует тяжкий экономический кризис.

Мы каждый день читаем известия о том, что там или здесь погиб от мины торговый корабль. Мина не считается с тем, какой национальности данное торговое судно. Читаем мы и о том, что масса торговых судов была захвачена неприятельскими крейсерами. Десятки германских крейсеров в Атлантическом и Тихом океанах останавливают движение десятков тысяч торговых судов. В недавно оглашенном протесте скандинавских государств центральными пунктами протеста были: разстановка мин на больших коммерческих путях в море и игнорирование правил об осмотре и захвате судов, правил, «которые всеми признавались в течение столетий».

Германский стратег ген. Леер задолго до настоящей войны писал о том, что «главная задача крейсеров — уничтожение частного имущества противника на берегу и на море. Вся стратегия крейсеров сводится к тому, чтобы бить слабого и убегать от сильного». Французы называют крейсер «истребителем торговли» (*destructeur du commerce*). Печальной памяти «Эммент» в крупном масштабе показала значение для международной торговли современного крейсера.

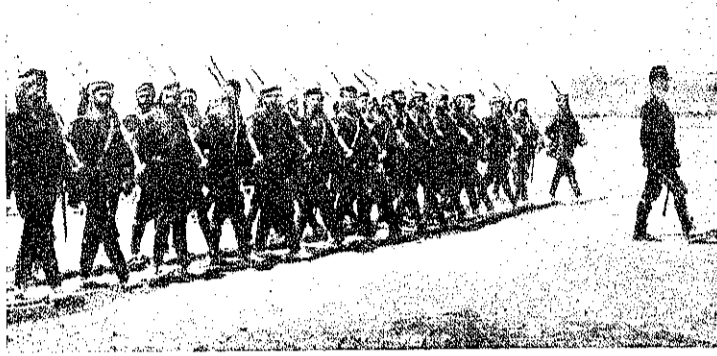
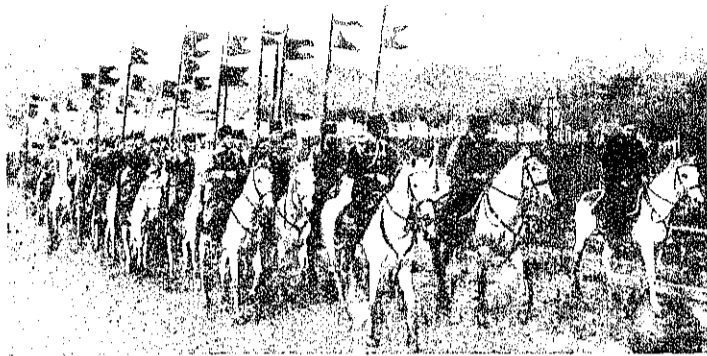
Помимо этих причин международный торговый обмен сознательно сокращается и самими правительствами. Правительства отдельных стран законом и угрозой сильных наказаний запрещают вывоз ряда товаров, запрещают всякий обмен с неприятельскими странами и целый ряд товаров объявляют военной контрабандой. На этот путь вступила и Россия, товары

особенно нужны Германии, лишеной своих продовольственных запасов. Если пересчитать на масштаб 1913 г. ценность товаров, запрещенных в России к вывозу, то мы получим 1,1 миллиард руб. из общей ценности нашего вывоза в 1,6 миллиард рублей.

Мотивы таких запретов разнообразны. Во-первых, таким мотивом является естественное желание укрепить вывозом продовольственных грузов и промышленного сырья экономическую позицию противника. Во-вторых, возникает вполне естественное опасение усиленным вывозом товаров ослабить свой собственный экономический тыл, что возможно в силу сокращения запасов необходимых товаров и поднятия товарных цен в виду усиленных закупок для армии и флота. Эти мотивы особенно заметны в таких странах, которые вынуждены и в мирное время пополнять свои продовольственные запасы и запасы промышленного сырья иностранным привозом. Наконец, не последнюю роль играет и желание запрещением вывоза нанести политическому противнику экономический ущерб, ухудшающий его военную позицию.

В силу последнего соображения Наполеон, борющийся с торговой Англией, изобрел знаменитую «континентальную систему». Во время борьбы северных и южных американских штатов флот, блокировавший берега и разобщивший конфедератов от всего мира, решил судьбу военного столкновения. Во время войны 1870—71 г.г., не смотря на слабость и неуверенность действий французского флота, на северном море была прекращена почти вся германская торговля, и Германия, по официальным данным, ежедневно терпела убытков на 5 мил. франков. Этой цели Франция достигла всего только двумя кораблями.

Задолго до настоящей войны в литературе внимательно обсуждался вопрос об экономической изоляции Германии и Англии. В обеих странах прекрасно понимали значение непрерывных внешних торговых сношений. В Германии весь расчет сводился к тому, что в опасные минуты выручат нейтральные страны. Любопытно, что в Германии только однажды предположили воз-

ТУРЕЦКІЯ ВОЙСКА. КАВАЛЕРІЯ ПѢХОТА И АРТИЛЛЕРІЯ.

возможность такой войны, которая случилась теперь и, считая такую комбинацию почти немислимой, думали, что она очень опасна. Обыкновенно, все расчеты Германии строились на нейтралитетѣ Англии. Но теперь Англия объявила уже, что она вынуждена считать Северное море ареной военных действий. Это закрывает для Германии послѣднія отдушныя, черезъ которыя она глотала воздухъ всемірнаго рынка.

Въ Англии еще въ 1888 г. была образована особая коммисія изъ адмираловъ для обсужденія вопроса о томъ, въ состояніи ли англійскій флотъ держать все морскіе пути открытыми и защищать страну отъ голода. Адмиралы отвѣтили, что флотъ будетъ въ состояніи сдѣлать это, если между непріятельскими флотами и англійскими будетъ соотношеніе 3:4. Но тогда еще не было флота у Германии, выросшей своею морскою мощью, главнымъ образомъ, за послѣднія 20 лѣтъ. Въ Англии давно понимали значеніе военного флота для вышней торговли и значеніе вышней торговли для экономической жизни націи. Въ цѣляхъ агитаціи въ пользу усиленія боевого флота въ Англии была образована «Naval League»: эта морская лига однажды объявила конкурсъ на сочиненіе на такую тему: какія послѣдствія можно предвидѣть для Англии, если ей придется вести большую войну въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и цѣна на хлѣбъ поднимается при этомъ на одинъ шиллингъ?

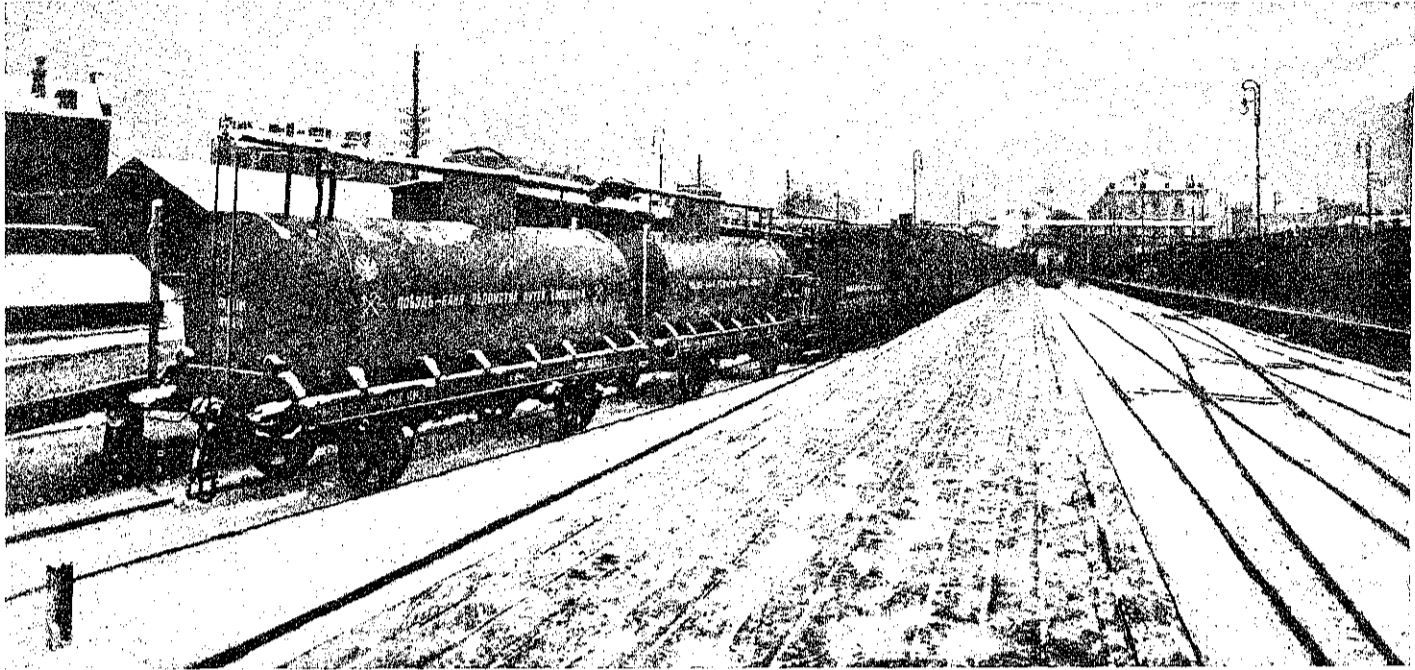
Такой вопросъ встаетъ въ настоящей войнѣ не у Англии, а у Германии, такъ какъ Германия въ силу своего географическаго положенія и политическихъ отношеній всехъ больше подвергается опасности полной изоляціи отъ всемірнаго рынка. Наканунѣ войны въ Германии поставили на обсужденіе вопросъ объ устройствѣ государственныхъ запасныхъ складовъ для продовольственныхъ запасовъ. Эту мысль нѣмцы заимствовали у Англии. Но, какъ известно, Германия не успѣла осуществить этого плана. Въ первый періодъ войны Германия жила собственными запасами и тѣмъ, что ей удавалось получать изъ нейтральныхъ странъ. Но и при этихъ условіяхъ цѣны на хлѣбъ стали расти, создавая опасность голодной смерти для тѣхъ классовъ населенія, которымъ не по силамъ бу-

детъ надбавка къ хлѣбнымъ цѣнамъ одной марки. Германия узаконила подѣвъ къ хлѣбу картофельной муки. На-дняхъ она создала исключительные тарифы для перевозки этой картофельной муки. Но эта мѣра мало спасаетъ положеніе. Германия объявила максимальныя цѣны на хлѣбъ; въ отвѣтъ на эту мѣру хлѣбъ сталъ исчезать съ рынка.

Конечно, нѣтъ основаній строить все расчеты на голодѣ Германии; у ней, быть можетъ, хлѣба хватитъ на долгое время; но по какой цѣнѣ будетъ продаваться этотъ хлѣбъ? Морская лига въ Англии мудро ставила вопросъ: что будетъ въ Англии если во время войны цѣна на хлѣбъ поднимется на одинъ шиллингъ? Что такое шиллингъ? Лишній шиллингъ въ цѣнѣ хлѣба для многомиллионныхъ рабочихъ массъ — вопросъ жизни и смерти.

Начиная войну, Германия гордо заявила, что у ней хватитъ средствъ на самую дорогую войну и указывала на то, что за границей германцы помѣтили около 16 миллиардовъ марокъ. Не безъ яда замѣтилъ по этому поводу англійскій экономистъ Кеуперъ: «даже прусская армія не можетъ вѣтъ желѣзнодорожныя насыпи и рельсы и одѣваться въ цементъ и кирпичи». Война не уничтожила на міровомъ рынкѣ колоссальныхъ запасовъ продовольственныхъ товаровъ, война прекратила ихъ планомерное распредѣленіе по всему міру. Война, уничтоживъ пути вышней торговли, вернула человечество къ условіямъ давняго времени; когда вслѣдствіе бездорожья въ одной области люди пухли отъ голода, а въ другой — сошедшей — плакали отъ невозможности сбыть обильный урожай. Лучше, конечно, плакать отъ послѣдней причины, нежели страдать отъ первой. Поэтому въ условіяхъ современной войны страдаютъ болѣе всего страны ввозящія сырье, нежели вывозящія его. Война никому не создаетъ выгоды, отъ войны страдаютъ все: и воюющія народныя хозяйства, и нейтральныя, но степень страданій и ущербовъ различна въ зависимости отъ позиціи данной страны на всемірномъ рынкѣ.

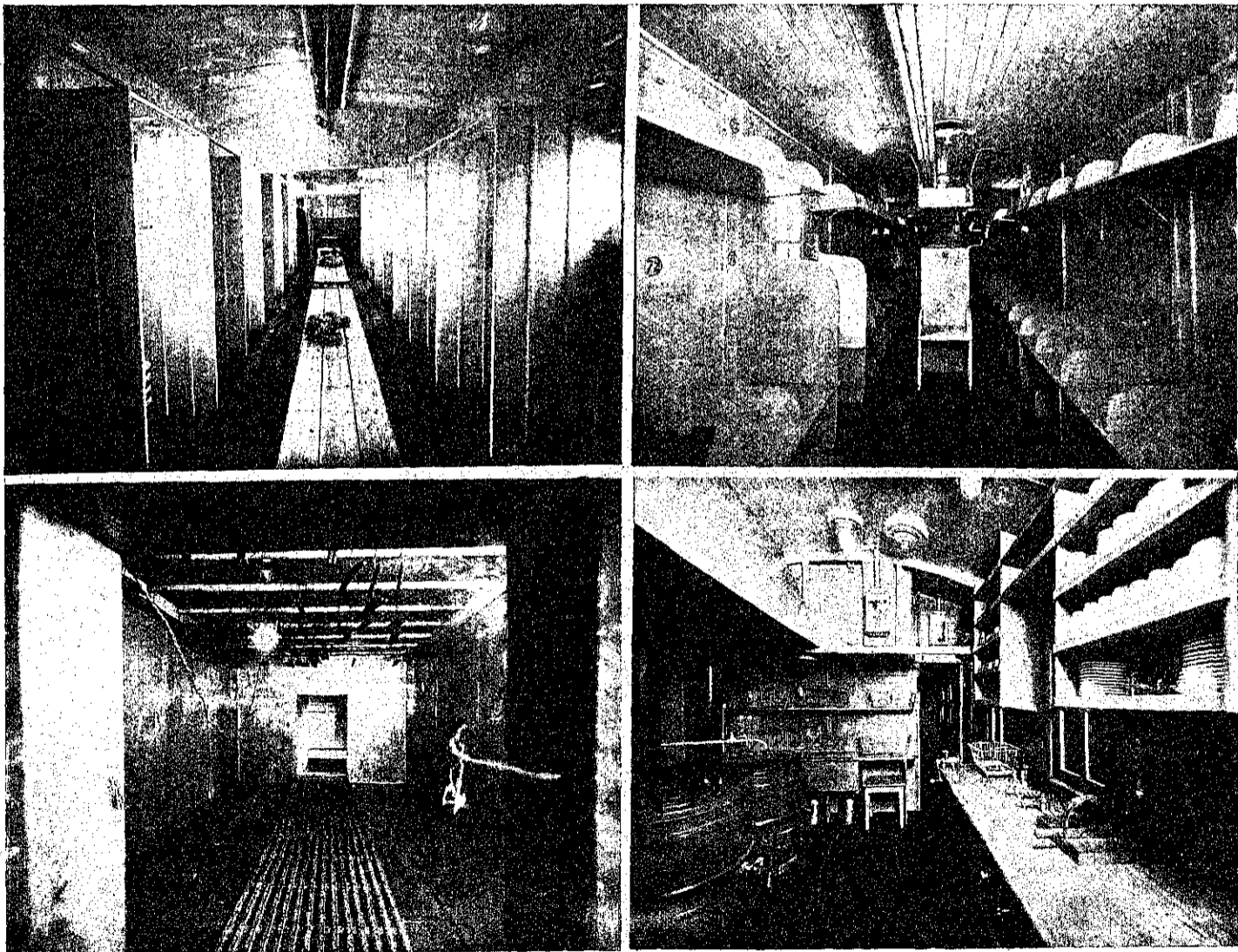
М. Бюловъ.

ПОЪЗДЪ — БАНЯ.

Фот. С. Маазинеръ.

Поѣздъ состоитъ изъ 20 вагоновъ. Въ сутки онъ можетъ «пропустить» 200 человекъ. Банныя помѣщенія состоятъ изъ нѣсколькихъ десятковъ отдѣленій съ кранами для холодной и горячей воды съ душемъ. Посреди вагоновъ лавка съ чашками для мытья. При каждой банѣ паровая съ полками. Помѣщенія достаточно просторныя и удобныя. При баняхъ отдѣльныя раздѣвальныя и одѣвальныя помѣщенія. Все снятое въ банѣ бѣлье поступаетъ въ особыя дезинфекціонныя помѣщенія. Одна дезинфекціонная камера устроена по т. н. японскому способу, гдѣ бѣлье, развѣшанное подъ потолками, подвергается дѣйствию горячаго (до 100°) пара. Въ одѣвальныхъ помѣщеніяхъ солдаты будутъ получать чистое бѣлье. При раздѣвальной устроена парикмахерская, машинки для стрижки будутъ приводиться въ движеніе особымъ пневматическимъ аппаратомъ. Послѣ одѣвальной солдатъ попадаетъ въ особыя чайныя помѣщенія, гдѣ получаетъ чай, хлѣбъ и т. д. При чайныхъ оборудована прекрасно обставленная механическая кухня. Кромѣ того, поѣздъ снабженъ отдѣльными вагонами для грязнаго бѣлья и бѣльевыми цѣхгаузами. Отдѣльно помѣщаются электрическая и паро-водяная станции.

Фот. С. Маазинеръ

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

Київ.

...Мы здѣсь уже совсѣмъ по военному; сижу въ вагонѣ, который стоитъ на третьемъ воинскомъ пути. Проходимъ мимо станціонныхъ зданій, биткомъ набитыхъ пѣвными и ранеными австрійцами (публику не подпускаютъ за полверсты). Австрійцы имѣютъ довольно злой видъ, хотя многіе вполнѣ апатичны... Пока что, мучительнаго, связаннаго съ войной, ничего не видали, а занятнаго, очень много: встречаемъ воинскіе поѣзда, спрашиваемъ другъ друга — куда и откуда, солдаты кричатъ намъ «счастливо», а наши — имъ...

Съ пути.

Свернули сейчасъ на путь, ведущій прямо туда — всѣ прошли здѣсь... Здѣсь куда, куда легче дышится, чѣмъ въ Петроградѣ; я это чувствую, какъ всѣ, кто сюда попадаетъ. Мы не обязаны носить въ умѣ и сердцѣ теперешній моментъ; мы въ немъ, а не онъ въ насъ, это гораздо легче. А ужъ особенно, когда начнемъ работать руками — хорошо будетъ совсѣмъ...

...Вчера мы простояли весь день на маленькой станціи среди воинскихъ поѣздовъ... Солдаты плясали, пѣли, сестры давали имъ напитки и яблоки... Ночью мы перегрузились въ здѣшніе узкоколейные вагоны... Вдоль дороги все мѣста боевъ, но слѣды еле замѣтны — тутъ никакихъ разрушеній, видны только ямки цѣпей, окопы, цѣлы проволочныя загражденія. Вагоны пробиты пулями, стекла выбиты... Бывшіе здѣсь офицеры рассказываютъ, что въ другихъ мѣстахъ разрушенія боевъ виднѣе, цѣлые городки снесены...

Съ мѣста.

...Видъ завоеваннаго города производитъ сильное впечатлѣніе. Городъ европейскій, жизнь имѣетъ видъ нормальный.

...Вечеромъ прошелъ по улицѣ пѣхотный полкъ съ пѣснями и свистомъ — среди освѣщенныхъ европейскихъ магазиновъ...

...Въ этомъ зданіи были послѣдовательно всевозможныя учрежденія: во время осады тутъ стояли войска — въ паркѣ временныя телефонныя будки, слѣды стоянки лошадей. Потомъ тутъ былъ... госпиталь, потомъ — русскій (съ мовами) и, наконецъ, нашъ... Въ коридорахъ были раненые... Нѣсколько дней съ 6-ти утра до 11-ти вечера мыли ихъ, переносили въ очищенные помѣщенія и перевязывали. Присаживались буквально на полчаса за обѣдомъ, да минутъ на 10 за чаемъ, а потомъ безъ оглядки валились спать...

...Одному моему пришлось сдѣлать вчера ампутацію ноги... Сегодня онъ уже хохоталъ надъ какой-то шуткой.

...Странно, ничего не знаешь, что на свѣтѣ творится, все куда то отошло — только вотъ эти 23 человека и — поспать...

...Сейчасъ уже на моей совѣсти 45 человекъ — вчера привезли раненыхъ при... Приѣхавшіе раненые три дня тому назадъ были въ бою, и рассказы ихъ прямо распираютъ — трещать все время.

А эти очень оживленные, хотя всѣ говорятъ исключительно о невѣроятныхъ трудностяхъ. Не слышала ни одного хвастливаго рассказа...

...Ночью дежурятъ двѣ сестры. Это одно изъ самыхъ интересныхъ, вездѣ почники, темныя палаты, всю ночь бродишь изъ одной въ другую и дѣлаешь, что нужно, — шприцы морфія, компрессы... Про это только и думаю.

Октябрь.

...Къ намъ ходитъ полякъ, ксендзъ, веселый — веселый, некрасивый, маленькій; солдаты всѣ его обожаютъ, хохочутъ съ нимъ, онъ покупаетъ имъ табакъ, яблоки. У меня въ палатѣ четыре мадыра, и только одинъ изъ нихъ говоритъ по иѣмецки, остальные ни звука. Теперь, когда они стали поправляться, они часами по очереди говорятъ какимъ то эпическимъ голосомъ, рассказываютъ безъ конца, иногда хохочутъ. Я наконецъ добилась отъ говорящаго, что это они рассказываютъ сказки; но вѣроятно это народный эпосъ, ужъ очень занятный тонъ.

...У половины сестеръ дѣлается отекъ ногъ; это — въ началѣ дѣятельности, отъ бѣготни и стоянья на ногахъ цѣлые дни...

...У половины сестеръ дѣлается отекъ ногъ; это — въ началѣ дѣятельности, отъ бѣготни и стоянья на ногахъ цѣлые дни...

...Дирижабль леталъ у самыхъ нашихъ оконъ и сидитъ вблизи за нашимъ паркомъ; и канонада была слышна въ палатѣ — далеко, далеко, въ открытыя окна, когда были, ясные, солнечные, теплые дни... За послѣднее время нашъ госпиталь посылаетъ утромъ и вечеромъ по пяти сестеръ съ врачами на вокзалъ, для перевязки провозимыхъ раненыхъ. Работаютъ студенты-медики, сестры...

Тутъ ужъ работа настоящая, какъ на войнѣ: особо прочныя повязки для дороги, быстро, рѣшительно надо работать...

...У меня одному накладывали повязку на переломъ ноги еще осложненный, безъ наркоза, такъ онъ не пикнулъ, только зубами скрежеталъ; въ первый разъ я услышала, что такое настоящій скрежетъ зубовъ...

...Общее настроеніе у меня, да и у всѣхъ сестеръ безъ исключенія — довольно подавленное, такъ, безъ причины, казалось бы. Одна сестра говоритъ про это состояніе: «Я не я, лошадь не моя». Дѣйствительно, что то неопредѣленное въ этомъ родѣ у всѣхъ... Сегодня первый свѣтъ. Всякій пустякъ такой ужасно воспринимается — радуемся чему то...

...Вчера приѣзжалъ автомобиль съ Рентгеновскими

ТРАНСПОРТЪ РАНЕННЫХЪ ВО ЛЬВОВѢ.

аппаратами; снимали наших больных, у которых трудно найти пули и определить переломы. Провода проведены в палату первого этажа и там снимают. Света не зажигают, в темные сумерки, свѣтится только шаръ съ

зеленовато-желтыми X-лучами, и простая лампочка у аппарата. Фотографіи хорошо удалась, все видно...

...Сегодня послѣ ночного дежурства я свободна. Это бываетъ черезъ 8 дней,—свободны на цѣлыя сутки.

Л. Б.

Франсуа Дювоицъ.

Собственность журн. «Отечество».

«НѢМЦЫ, ОТСТУПАЯ, БРОСАЮТЪ ОРУДІЯ».

II. СУРОЖСКИИ.

ВСТРѢЧА.

КОГДА ВѢра Круглова узнала, что Андрей Васильевичъ мобилизованъ, и его отправляютъ на войну, она рѣшила поступить на курсы сестеръ милосердія съ тѣмъ, чтобы потомъ тоже ѣхать на войну. Слишкомъ дорогъ и близокъ былъ ей Андрей.

Когда Андрей пришелъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ, ВѢра сообщила ему о своемъ рѣшеніи.

Андрей подѣловалъ ВѢру и сказалъ:

— Все это прекрасно. Я не стану отговаривать тебя, я вполне понимаю твои побужденія. Но неужели ты думаешь, что мы встрѣтимся?

— Я вѣрю въ это, — сказала ВѢра.

— А я очень, очень сомнѣваюсь. Въ той массѣ людей, которая перебрасывается теперь на западъ, мы затеряемся, какъ песчинки. Вѣдь ты не будешь знать, гдѣ я, также, какъ и я не буду знать о тебѣ.

— А я все-таки вѣрю, — упрямо настаивала ВѢра.

Они разстались. ВѢра плакала. Было тяжело. Такъ неожиданно разразилась война и такъ перевернула все. Андрей и ВѢра любили другъ друга. Было рѣшено въ августѣ поселиться вмѣстѣ, уже не удовлетворяли частыя встрѣчи, хотѣлось болѣе тѣсной близости. ВѢра съ радостной озабоченностью думала о томъ большомъ и новомъ, что должно было войти въ ея жизнь. Уже, казалось, жила этимъ новымъ. И вдругъ, точно вихрь, налетѣла война и разметала всѣ замыслы.

Скучно стало безъ Андрея. Привычка видѣться часто сказывалась съ щемящей остротой. Вмѣсто квартиры, какъ предполагалось вначалѣ, ВѢра устроилась въ комнатѣ, и не знала, куда дѣваться по вечерамъ,—такъ было одиноко и скучно. Андрей писалъ часто, но письма приходили не исправно: то три получатся сразу, то нѣсколько дней ни

одного. И коротки при этомъ были письма; иные набросаны были карандашомъ, на клочкахъ, нѣсколько строкъ. Трудно было по этимъ клочкамъ опредѣлить, что переживалъ Андрей, но все же видно было, что всѣ его помыслы здѣсь, возлѣ Вѣры, а будущее — нѣмая и темная загадка, которую нельзя сейчасъ разгадать.

Между тѣмъ разворачивались событія шли бои, стали привозить раненыхъ и чѣмъ дальше, все обильнѣе приходили жертвенные грузы. Андрей попалъ въ восточную Пруссію, войска передвигались тамъ быстро, каждый день отмѣчались новые этапы, и становилось страшно за эту быстроту. Вѣру особенно пугали Мазурскія озера, въ районѣ которыхъ двигались войска. Казались они какими то гиблыми мѣстами, гдѣ безъ конца тянутся топи, лѣса, болота. И отклики своихъ опасеній Вѣра находила въ письмахъ Андрея. Онъ уже побывалъ въ бояхъ, пока благополучно, но страхъ за Андрея не покидалъ Вѣру ни на минуту.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Вѣра окончила курсы и вскорѣ ей удалось устроиться въ Красный Крестъ. Какъ разъ она попала въ отрядъ, готовившійся къ отъѣзду въ восточную Пруссію. Когда Вѣра узнала объ этомъ, она ходила весь день радостная, точно впереди, въ самомъ близкомъ будущемъ, предстояла встрѣча съ Андреемъ. Она написала объ этомъ Андрею, спѣша порадовать его близостью встрѣчи. Отвѣта не было. Давно уже не писалъ Андрей, и это безпокоило Вѣру. Какъ онъ тамъ? Живъ-ли? Бои идутъ за боями, точно грозы въ лѣтніе дни. Не успѣетъ окончиться одинъ, какъ уже разразился другой, и тянутся вереницы раненыхъ — кровавыя зарницы великой кровавой грозы.

Въ ненастные ночи, когда хлесталъ дождь и было холодно, Вѣра съ болью думала о томъ, какъ теперь тамъ, на войнѣ. Грязныя дороги, размякшая земля, шумъ вѣтра, хлюпанье воды. Въ холодномъ и мокрому, подъ дождемъ и вѣтромъ, двигаются или лежатъ въ окопахъ войска. Громяхаютъ орудія, мягкимъ груднымъ гуканьемъ, и каждое громяханье несетъ кому-то смерть.

Вѣра вздрагиваетъ, темнѣютъ глаза, въ душѣ колючая, терпкая боль. Такъ бы вотъ встала и пошла туда, гдѣ среди выстрѣловъ, въ смертоносномъ чаду, двигаются люди.

Въ концѣ сентября, отрядъ, съ которымъ ѣхала Вѣра, двинулся въ путь. Вѣра встрепенулась, ожила. Хотѣлось поскорѣе на кровавыя поля, гдѣ такъ нужна помощь. Ѣхали подъ косымъ, холоднымъ дождемъ, поля лежали затуманенныя, блеклая зелень деревьевъ и земли точно жаловалась кому-то на холодъ и дождь. Но когда на другой день заблестѣло солнце и тучи, свиваясь въ бѣлые свитки, поплыли въ стороны, обнимая густую, какъ синька, небесную синеву, — поля улыбнулись и золото заструилось на деревьяхъ. Стояли они такіе нарядныя, въ красновато-оранжевомъ и желтомъ, точно радовались мимолетной улыбкѣ солнца. И глядя на нихъ, какъ то не думалось о войнѣ.

Все длительно были остановки. Загромождены были вагонами пути. Проходили мимо воинскіе и грузовые поѣзда — все туда, туда, гдѣ, не переставая развѣтывались бои. И шли на встрѣчу съ запада другіе поѣзда — съ ранеными. Съ тревожнымъ любопытствомъ разсматривали сестры эти поѣзда. Въ окна глядѣли измученныя, потемнѣвшія лица, на многихъ бѣдѣли повязки. Увидя сестеръ, раненые привѣтливо кивали головами, точно давно уже знали

этихъ милыхъ сестрицъ, и сестры въ отвѣтъ улыбались, махали платками.

Одинъ разъ, уже передъ отходомъ поѣзда, пришелъ встрѣчный поѣздъ. Вѣра стояла у окна, стараясь разглядѣть лица въ проплывавшихъ мимо вагонахъ. И вотъ поѣздъ остановился. Вѣра посмотрѣла на окна встрѣчного поѣзда и вдругъ глаза ея широко раскрылись. Что это! На нее смотреть изъ вагоннаго окна худое, блѣдное, обросшее волосами лицо Андрея. Онъ тоже узналъ Вѣру, плотно прильнулъ къ стеклу и смотритъ на нее радостно-удивленными глазами.

— Андрей! Андрей! — крикнула Вѣра.

Сердце забилось сильными, занимающими духъ ударами. Раненъ... Опасно-ли? Куда его везутъ? Ахъ узнать бы, только бы узнать!..

Вѣра заметалась у окна, не зная, что дѣлать. Была она какъ въ клеткѣ безвольная, безсильная, и въ другой такой же клеткѣ, окно противъ окна, былъ Андрей. Губы его шевелились. Онъ попробовалъ открыть окно правой рукой, — лѣвая не поднималась, должно быть была прострѣлена но окно было плотно закрыто.

Такъ прошло нѣсколько секундъ. Они стояли другъ противъ друга, отдѣленные только узенькой площадкой и двумя стеклами, одновременно радостные и страдающіе. Хотѣлось выскочить, пересѣсть на встрѣчный поѣздъ, но было уже поздно. — Какой то изъ двухъ поѣздовъ тронулся, окно, къ которому прижался Андрей, отодвинулось, исчезло.

— Андрей! крикнула еще разъ Вѣра. Вагоны уже мелькали передъ глазами. Вѣра опустила на скамью, прижалась лицомъ къ стѣнѣ и заплакала.

Поѣздъ уже бѣжалъ среди блеклыхъ, мутно-зеленыхъ полей, дымъ падалъ на окна, все было, какъ въ туманѣ. Потомъ засинѣлъ вечеръ, темнота легла на поля, заря загоралась холоднымъ румянцемъ, обѣщая вѣтренный день.

Спала Вѣра тревожно; едва закрывала глаза, какъ представлялось блѣдное, худое, измученное лицо Андрея, и она вздрагивала и не могла заснуть.

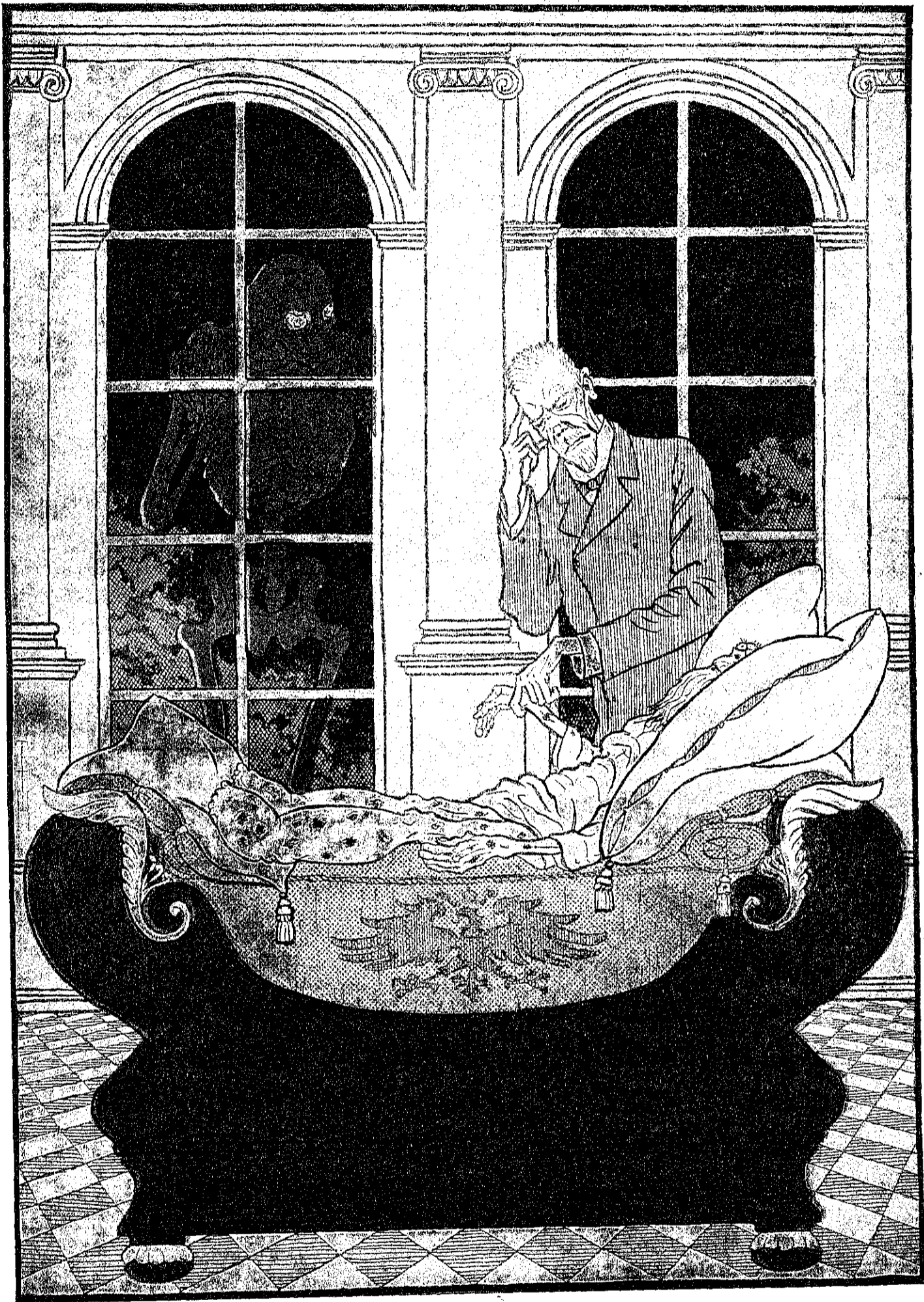
И только утро принесло успокоеніе.

Когда блеснуло солнце и задымился надъ полями туманъ, открывая золотисто-багряныя рощи и перелѣски, Вѣра какъ-то вдругъ поняла, что она не въ правѣ предаваться отчаянію, плакать, горевать. Вѣдь Андрей живъ, она его видѣла и уже это — великая милость судьбы. Чьи-то заботливыя руки будутъ ухаживать за нимъ, и развѣ это не обязываетъ ее къ такому же уходу за другими? Вѣдь тамъ, куда она ѣдетъ, столько страданій, мукъ, крови. И у каждого, кого ни возьми, есть кто нибудь близкій, ожидающій возвращенія, тревожно думающій — что тамъ?

Мысль эта взволновала Вѣру. Если это такъ, то не одинаково ли, кому она будетъ оказывать помощь — Андрею или тому неизвѣстному, который шель рядомъ съ нимъ? Всѣ они дѣлаютъ одно большое, трудное дѣло, и нѣтъ различія между Андреемъ и всѣмъ другимъ, ибо человѣческая жизнь равнѣнна.

И когда Вѣра остановилась на этомъ, ей стало легко, почти радостно, и захотѣлось поскорѣе туда, гдѣ въ кровавомъ туманѣ совершается грозный и величественный подвигъ войны, гдѣ пролилась впервые каплей въ морѣ кровь Андрея.

П. Сурожскій.

ГЕРМАНИЯ, КАКЪ ЕЕ ИЗОБРАЗИЛЪ НѢМЕЦКІЙ ХУДОЖНИКЪ Т. Т. ГЕЙНЕ.

Н Е Й Т Р А Л И Т Е Т Ъ .

**ВЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ КРУГАХЪ ИТАЛИИ СТАЛО ЯСНО, ЧТО ИНТЕРЕСЫ ГЕРМАНИИ НЕ СОВПАДАЮТЪ
СЪ ИНТЕРЕСАМИ ИТАЛИИ.**